

Мирбо Октав

**Двадцать один день
неврастеника**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
О-52

О-52 **Октав М.**
Двадцать один день неврастеника / Мирбо Октав – М.: Книга по Требованию,
2024. – 258 с.

ISBN 978-5-519-96721-1

ISBN 978-5-519-96721-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ. ¹⁾

„Собирать эти признанія, классифицировать ихъ, регистрировать ихъ въ своей памяти съ цѣлью превратить ихъ въ страшное оружіе расплаты, когда настанетъ часъ расчета, — это одно изъ величайшихъ и самыхъ сильныхъ удовольствій моей профессіи, это самое драгоценное возмездіе за мои униженія“ ²⁾).

Такъ разсуждаетъ въ романѣ Мирбо юное существо, поставленное судьбою на низшія ступени общественной лѣстницы. Целестина, которой выпала на долю унижительная жизнь горничной, нашла въ этой жизни своеобразное наслажденіе. Она блаженствовала, когда прислуживала за столомъ своимъ господамъ. Въ эти моменты они были сами собою. Та ложь, которая опутываетъ показную сторону ихъ жизни, разсѣивалась, грязныя и низкія стороны ихъ души открывались во всей своей отвратительной паготѣ; они говорили, не стѣсяясь, совершенно забывъ, что возлѣ находится посторонній свидѣтель, отмѣчающій всѣ нравственныя извилины въ душѣ этихъ такъ-называемыхъ „порядочныхъ людей“. Целестина сама была отравлена атмосферой лжи и порока, въ которой протекаетъ жизнь свѣтскаго общества. Она ненавидѣла и презирала своихъ господъ, и въ то же время завидовала имъ и не могла жить безъ ихъ роскоши и пустоты. Въ силу своего положенія она дѣлитъ ихъ богатство. Она ходитъ по тѣмъ же коврамъ, видитъ тѣ же бездѣлушки, живетъ интересами своихъ господъ, интересуется ихъ сплетнями, узнаетъ новости объ интимныхъ сторонахъ жизни тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ ея господа. У Целестины есть только одно отлечіе: она умна и склонна къ анализу. Она ведетъ дневникъ. Она — не только одинъ изъ элементовъ изолировавшагося общества, но и сатирикъ его. Ея дневникъ пропитанъ ненавистью къ этимъ людямъ, но въ немъ слышится и тайная тоска по тѣмъ порокамъ и наслажденіямъ, кото-

¹⁾ Настоящая статья въ измѣненномъ видѣ была напечатана въ „Рус. Мысли“. 1905, IX. (П. К.)

²⁾ *Octave Mirbeau: „Le journal d'une femme de chambre“.* 1900, стр. 33.

рые составляют привилегию этих людей. И порою трудно различить, где кончается благородное негодование и начинается зависть, где Целестина упивается самым изображением грязи и где она возмущается ею.

В творчестве Мирбо и в дневник Целестины есть много общего. Он—пѣвец и обличитель порока одновременно. Его романы опасно давать в руки юноши. Они могут доставить болезненную работу его фантазии, разбудить в нем инстинкты звѣря, возбудить жажду нездоровых наслаждений. Немногие писатели могут с перничать с Мирбо в увлекательном изображении порока. Он окружает его яркими цвѣтами в родѣ тѣх, которые цвѣли в фантастическом саду казней ¹⁾ среди орудій пытки, среди потоков крови и кусковъ человеческого мяса. Неопытный взоръ за ослѣпительно яркими картинами, нарисованными Мирбо, не рассмотритъ серьезнаго и вдумчиваго лица социальнаго писателя и перваго обличителя. Мирбо наслаждается и мучается одновременно. Кажется, что в минуты творчества онъ переживаетъ чувства, подобныя чувствамъ убійцы, котораго неудержимая сила влечетъ къ мѣсту совершеннаго имъ убійства. Мирбо шлетъ проклятія преступному обществу и въ то же время онъ—плоть отъ плоти этого общества онъ не можетъ жить безъ его жи, безъ его опьяняющей порочности. Подобно Целестинѣ, онъ отличается отъ ненавистныхъ описываемыхъ имъ людей только умомъ и талантомъ, но это не уменьшаетъ того наслаждения, которое онъ испытываетъ, погружаясь въ глубину общественной грязи. Онъ тоже съ наслаждениемъ подматриваетъ за людьми, когда они удовлетворяютъ самыя гнусныя свои инстинкты, онъ, какъ и Целестина, жадно подслушиваетъ ихъ рѣчи въ тѣ моменты, когда съ нихъ спадаетъ культурная поволока, когда въ нихъ просыпаются четвероногіе предки, похотливые, злые и алчные. Онъ заноситъ эти моменты на бумагу, копить матеріалъ, куетъ „страшное оружіе“ для той минуты, когда настанетъ расплата. Но Мирбо не принадлежитъ къ числу моралистовъ, которые сумѣли освободиться отъ недостатковъ своего вѣка, возвысились надъ изображаемымъ обществомъ, смотреть на него сверху внизъ. Паденіе этого общества—это картина паденія и самого писателя. Мирбо безсиленъ указать путь спасенія. Наша общественная жизнь есть борьба аппетитовъ. Человѣкъ—грубое матеріальное существо съ животными инстинктами. Культура, цивилизація—это виѣшній лоскъ, прикрывающій инстинкты. Мирбо—пессимистъ въ этомъ жестокомъ воззрѣніи своемъ на жизнь и человѣка. Но онъ въ то же время оптимистъ, потому что самъ—рабъ этихъ инстинктовъ, самъ любить эту извращенную жизнь, изображаетъ ярко и мощно эту утонченную культуру, часто ослабляется ея блескомъ, забывъ о своей роли обличителя. Онъ проклинаетъ по-

¹⁾ „Le jardin des supplices“. Paris, 1901.

рокъ и въ то же время его тишеть къ нему, онъ погружается въ него съ какимъ-то сладострастіемъ, описываетъ его проявленія съ подробностями, далеко превышающими цѣли сатирика.

Онъ выбираетъ самыя яркія фигуры преступниковъ и самыя отвратительныя проявленія гнусныхъ инстинктовъ. Но онъ дѣлаетъ это не для предостереженія общества. Онъ дѣлаетъ это не для того, чтобы показать, чѣмъ не слѣдуетъ быть, а для того, чтобы показать, что таковы всѣ. Если Мирбо изобразить вора, то только для того, чтобы сказать міру, что онъ весь состоитъ изъ воровъ, что банкроты и адвокаты, министры и фабриканты, — всѣ живутъ однимъ основнымъ инстинктомъ, однимъ стремленіемъ — удовлетворить свои аппетиты на счетъ своего ближняго. Изображая человѣческую похоть, выводя людей, страдающихъ садизмомъ и самыми дикими формами извращенія полового чувства, Мирбо не оставляетъ никакого утѣшенія тѣмъ, кто считалъ себя до сихъ поръ чистымъ отъ этихъ пороковъ. Все общество заражено этимъ стремленіемъ къ большому наслажденію, построенному на мученіяхъ ближняго. И надо отдать справедливость Мирбо: онъ умѣетъ такъ же блестяще и остроумно отстаивать эти страшные парадоксы, какъ и рисовать крайнія формы порока. „Мы всѣ болѣе или менѣе убійцы. Мучительство и убійство — не результатъ той или иной страсти, не патологическая форма вырожденія. Это — жизненный инстинктъ, живущій во всѣхъ органическихъ существахъ такъ же, какъ и родовой инстинктъ. Убійство — это нормальная, а не исключительная функція природы и всякаго живого существа. Эту внутреннюю подробность убивать обуздываютъ, стараются смягчить ея физическое проявленіе, давъ ей законный выходъ въ формѣ индустріи, колониальной торговли, войны, охоты, антисемитизма и т. д., потому что опасно отдаваться ей безъ жѣры, вѣтъ законовъ; кромѣ того, нравственное удовлетвореніе, извлекаемое изъ убійства, не стоитъ того, чтобы изъ-за него подвергаться обычнымъ послѣдствіямъ этого акта: тюремному заключенію, судебнымъ преніямъ, утомительнымъ и неинтереснымъ и, наконецъ, гильотинѣ“¹⁾).

Мирбо ни въ чемъ не видитъ спасенія. Весь міръ преступенъ въ его глазахъ. Онъ — анархистъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Полное ниспроверженіе всего существующаго безъ выбора, безъ программы — такова практическая задача, вытекающая, какъ неизбежный выводъ, изъ его міропониманія. За этой разрушительной работой даже въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ не намѣчаются тѣ положительныя идеалы, во имя которыхъ изрекается смертный приговоръ человѣческому обществу. Постоянное колебаніе, влеченіе къ пороку, съ одной стороны, и тайная тоска по идеалу — съ другой, составляютъ основной мотивъ творчества Мирбо. Люди съ чистой

1) „Le jardin des supplices“, IV.

душой, съ умомъ и талантомъ, но въ то же время безвольные, слабые, бросающіеся въ самую глубокую бездну — таковы излюбленные герои Мирбо. Это — черныя, болѣзненные интеллигенты нашего времени, истинные продукты большихъ городовъ, или потомки тѣхъ крупныхъ буржуа, которые затратили колоссальную энергію для накопленія своихъ милліоновъ и для созданія грандіозныхъ предпріятій. Этихъ потомкамъ милліоны достались безъ труда, и ихъ энергія ищетъ выхода въ нездоровыхъ удовольствіяхъ, они жаждутъ острыхъ ощущеній. Талантъ и деньги вступаютъ въ союзъ и растрачиваются въ поискахъ новыхъ средствъ для удовлетворенія пресыщеннаго вкуса. Буржуазное общество, въ героическій періодъ своего существованія завоевавшее свободу, мало-по-малу свело эту свободу къ свободѣ конкуренціи. Эта конкуренція, вызвавшая колоссальный ростъ промышленности, пробудила, съ другой стороны, въ даровитыхъ и впечатлительныхъ людяхъ жажду обогащенія, жажду тѣхъ наслажденій, которыя даются богатствомъ, о которыхъ цинично кричатъ газетныя рекламы и роскошныя палацы, служащія притонами разврата. Буржуазія, вызвавшая расцвѣтъ соціальной и реалистической литературы, къ концу XIX вѣка вызвала къ жизни декадентскую и эротическую поэзію. Она породила богатое научное движеніе, стремленіе выяснить природу общественныхъ отношеній, она же, надѣливъ извѣстные классы колоссальными богатствами и давъ имъ возможность воспользоваться всеми благами жизни, породила тѣ уродливыя явленія, которыя представляютъ собою какъ бы накинъ надъ этой роскошной и праздною жизнью.

Мирбо — по преимуществу поэтъ этой группы людей. Онъ распространяетъ на все человѣчество то безуміе, которое овладѣло этими представителями вырожденія. Ему кажется, что весь міръ охваченъ тѣмъ же опьяненіемъ и стремительно катится въ бездну. Если Мирбо и преувеличиваетъ въ своемъ пессимизмѣ, то за его произведеніями остается, несомнѣнно, крупное соціальное и моральное значеніе. Онъ устанавливаетъ связь между яркими и болѣзненными проявленіями преступности и его источниками, онъ намѣчаетъ нездоровые зародыши въ тѣхъ установленіяхъ буржуазнаго строя, которыя считаются устоями нормальнаго и счастливаго существованія общества. Такихъ писателей, какъ Мирбо, трудно включить въ ряды определенной партіи, имъ трудно примкнуть къ опредѣленному политическому или соціальному міросозерцанію. Они остаются въ партіи до тѣхъ поръ, пока не убѣдятся въ томъ что она не знаетъ радикальнаго средства къ коренному исправленію міра, что ея идеалы урѣзываются при своемъ практическомъ примѣненіи. Такіе люди скоро порываютъ съ партіей и переходятъ къ другой, которая влечетъ ихъ критической стороною своей программы, но въ которой они быстро разочаровываются, какъ только знакомятся съ ея положительными стремленіями. Эти измѣны — не есть обычное репегат-

ство, за что обыкновенно принимают его люди, не знающие компромиссовъ въ избранной сферѣ дѣятельности. Эти измѣны вытекаютъ изъ грандіознаго характера самыхъ притязаній измѣнника, изъ нетерпѣнія, которое мѣшаетъ подисциплинированному уму и безвольному духу мириться съ медленными завоеваніями и частичными улучшеніями. Въ Мирбо много этого безволія, въ немъ нѣтъ нравственной дисциплины и въ то же время въ немъ много чуткой совѣсти. Онъ рисуетъ паденіе людей, хотя и безвольныхъ, но совѣстливыхъ. Они падаютъ и рыдаютъ надъ своимъ паденіемъ. Самъ Мирбо началъ свою литературную карьеру въ органѣ бонапартистовъ *L'Ordre*. Но вскорѣ онъ покидаетъ его; онъ жадно ищетъ истины и находитъ ее у анархистовъ. Казалось бы, именно эта секта могла удовлетворить писателя, у котораго основной міросозерцаніи служить отрицаніе и глубокая ненависть ко всѣмъ сторонамъ существующаго строя. Въ девяностыхъ годахъ истекшаго столѣтія Мирбо, дѣйствительно, сотрудничаетъ въ *Revolte*. Но когда анархисты убили президента Карно, Мирбо покинулъ этотъ органъ. Его умъ не могъ помириться съ нелѣпымъ преступленіемъ.

Въ одномъ изъ первыхъ своихъ романовъ *) Мирбо разсказалъ трогательную исторію юности съ чистой душой, съ чуткимъ сердцемъ, съ унаслѣдованной отъ родителей нервной организаціей, съ безвольнымъ слабымъ характеромъ, съ художественными вкусами и среднимъ литературнымъ талантомъ. Исторія Жака Ментье разнрывается передъ читателемъ съ момента его появленія въ свѣтъ до момента его паденія. Это—типичный интеллигентъ большого города, полумыслитель-полуневрастеникъ, человѣкъ настроенія, способный одинаково и къ возвышеннымъ порывамъ и къ безнравственнымъ увлеченіямъ. Все его существо протестовало противъ злодѣяній окружающей жизни, но его протестъ могъ выразиться только въ вопль безсильнаго отчаянія. Трагизмъ этой жизни поглощалъ постепенно новую жертву; неокрѣпшій умъ работалъ, и печальный выводъ складывался самъ собою: человѣкъ бесплечъ измѣнить міровую неправду, онъ противъ воли долженъ принимать участіе въ тѣхъ преступленіяхъ, которыми полна жизнь, и чуткому сердцу остается только страдать, человѣку остается только падать, оплакивая собственное паденіе.

Въ дѣтствѣ онъ содрогался, когда видѣлъ какъ его отецъ - охотникъ для забавы стрѣлялъ кошекъ, и въ то же время безсильно любилъ отца. Юношей онъ чувствовалъ отвращеніе къ кутежамъ товарищей. „И однако однажды вечеромъ, нервно возбужденный, охваченный внезапно плотскимъ порывомъ, разсказываетъ онъ, я отправился въ домъ терпимости. Я ушелъ оттуда со стыдомъ, недовольный

*) *Octave Mirbeau: „Le Calvaire“*. Paris, 1901.

собой, страдая отъ угрызений совѣсти“ *). Ему казалось, что его кожа осквернена. И снова этотъ протестъ чистой души разрѣшился не активнымъ внимательствомъ въ жизнь, не успіемъ воли, направленной къ борьбѣ со зломъ, а безсильной капитуляціей передъ ходомъ вещей, передъ силой сложившагося порядка жизни, передъ инстинктами человѣческой природы.

Началась война и бури новыхъ протестовъ поднялась въ душѣ Жана. Неумолимый законъ всеобщей борьбы заставляетъ не только народы ополчаться другъ на друга; дѣти одной расы, одной семьи, вышедшія изъ одного чрева, куютъ другъ противъ друга оружіе. Что это за родина, которой необходимо превращать спокойныя воды рѣкъ въ потоки крови, убивать лучшихъ людей? Убийцу казнятъ и трупъ его бросаютъ въ безславную могилу. Но въ честь завоевателя, сожигающаго, истребляющаго цѣлыя племена, народы воздвигаютъ триумфальныя арки, и преклоняютъ колѣна вокругъ ихъ могилъ, и эти могилы, украшенныя мраморомъ, охраняютъ святыя и ангелы. Какое раскаяніе грызло сердце Жана за то, что онъ такъ мало до сихъ поръ старался проникнуть въ тайны этой жизни, полной необъяснимыхъ загадокъ. Ему хотѣлось постигнуть смыслъ правительствъ, которыя угнетаютъ, обществъ, которыя убиваютъ. Онъ хотѣлъ стать апостоломъ мира; его умъ создавалъ фантастическую философію любви, безумную картину вѣчнаго братства.

И этотъ взрывъ естественнаго чувства разрѣшается тѣмъ, что онъ убилъ пруссакъ, который „былъ поистинѣ прекрасенъ, чье сильное тѣло дышало полной жизнью, который смотрѣлъ на поле скорби взоромъ поэта, чѣмъ солдата, отдавался очарованію этого юнаго, дѣвственнаго, ликующаго утра“... Онъ убилъ того, кому хотѣлъ сказать, какъ хорошо смотрѣть на это небо и какъ онъ любить его за его экстазъ **). Онъ не помнилъ, какъ это случилось, какъ убилъ онъ того, кого такъ любилъ еще за минуту до своего страшнаго поступка. „За что? Зачѣмъ? Вѣдь я любилъ его; если бы солдаты угрожали ему, я сталъ бы защищать его; его, котораго и самъ убилъ!“ ***).

Жанъ ищетъ спасенія въ любви и затѣваетъ романъ, который разоряетъ его и окончательно истощаетъ его физически и нравственно. Въ концѣ этого банальнаго до пошлости романа онъ уже не борется съ собою. Онъ уступаетъ дурнымъ инстинктамъ, старается не раздумывать и отдается во власть развратной и обаятельной женщины. Его разореніе заставляетъ его брать послѣднія деньги у своего друга, жить на содержаніи у женщины, которая сама живетъ на счетъ своихъ любовниковъ. Каждый новая ступень паденія вызываетъ яв-

*) „Le Calvaire“, стр. 45.

**) „Le Calvaire“, стр. 98—99.

***) „Le Calvaire“, стр. 100.

нѣмъ приступы отчаянія, но сила его сопротивленія ослабѣваетъ все болѣе и болѣе, и въ концѣ-концовъ этотъ умный и чуткій человѣкъ становится игрушкой своихъ настроеній и вѣншихъ обстоятельствъ. Печальная исторія Жана, это—исторія всего современнаго общества. Такъ думаетъ Мирбо. Эта затаенная мысль автора чувствуется въ каждой строкѣ романа. Правда, рядомъ съ Жаномъ выведенъ Лира, истинный художникъ, человѣкъ съ твердой волей и опредѣленными убѣжденіями. Но это—блѣдная фигура по сравненію съ Жаномъ. Всякій художникъ озаряетъ жизнь и природу новымъ свѣтомъ, показываетъ ихъ человѣчеству съ новой, еще неизвѣданной стороны, и нѣтъ сомнѣнія, что взору Мирбо міръ открывается прежде всего въ тѣхъ болѣзненныхъ проявленіяхъ, которыя онъ изобразилъ въ исторіи Жана Ментье. Эти безвольные неврастеники въ его глазахъ не исключительные, рѣдкіе характеры, стоящіе особнякомъ отъ остальнаго человѣчества. Они только болѣе яркое проявленіе общей болѣзни вѣка.

Изображать болѣзнь вѣка, безволіе и полную нравственную атрофію человѣчества, изображать, раскрывая всѣ самыя гнойныя язвы съ мучительнымъ наслажденіемъ — такова художественная миссія Мирбо.

„Le Jardin des supplices“ былъ написанъ въ 1898 — 1899 гг., т.-е. почти черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ появленія „Le Calvaire“. Въ „Le Calvaire“ описана исторія болѣзни, въ „Le Jardin des supplices“ изображена самая острая форма ея. Трудно передать, какія дикія формы извращенія человѣческой природы создала фантазія романиста. Мы все время на той грани, которая отдѣляетъ возможное отъ несообразнаго, дѣйствительность отъ бреда. Поэтъ показываетъ намъ „страшныя вещи, божественныя вещи“, „самую глубь тайнъ любви и смерти“.

Въ героѣ этого обвѣяннаго безуміемъ романа исчезаетъ постепенно все, что еще оставалось отъ старыхъ привычныхъ представленій о долгѣ, о порядочности, о принятомъ на себя обязательствѣ. Героиня общается ему ложь, что-то таинственное и страшное, но въ этой лжи есть отвага и красота, одуряющая сила, дающая забвеніе, усыпляющая совѣсть, обезпечивающая свободу. Развѣ онъ не живетъ все равно въ сѣтяхъ обмана, но обмана мелкаго и гадкаго. Въ Китаѣ, — говоритъ она, — жизнь свободна, счастлива и цѣльна, тамъ нѣтъ условностей, предубѣжденій и законовъ, по крайней мѣрѣ для насъ. Тамъ только одні границы для свободы—это самъ человѣкъ, и одні границы для любви — торжествующее разнообразіе ея желаній. Европа и ея лицемѣрная, варварская цивилизація есть ложь. „Что дѣлаете вы, какъ не лжете, лжете себѣ, лжете другимъ, лжете передъ всѣмъ тѣмъ, что въ глубинѣ своей души признаете правдой. Вы обязаны проявлять вѣншее уваженіе къ лицамъ и учрежденіямъ, которыя считаете

нелѣпностью. Вы прикованы цѣпями къ нравственнымъ и общественнымъ условностямъ, которыя вы презираете и осуждаете, въ которыхъ не видите никакого оспоженія. Именно этотъ постоянный разладъ между вашими идеями и желаніями, съ одной стороны, и мертвыми формами, пустыми призраками цивилизаціи, съ другой, наполняетъ васъ грустью, лишаетъ спокойствія и равновѣсія. Въ этомъ тяжеломъ конфликтѣ вы теряете всякую радость жизни, всякое ощущеніе своей личности, потому что каждую минуту гнетутъ, задерживаютъ, останавливаютъ свободную игру вашихъ силъ. Такова отравленная, смертоносная атмосфера цивилизованнаго міра. У насъ ничего подобнаго... вы увидите... У меня въ Каптонѣ, среди дивныхъ садовъ есть дворецъ, гдѣ все приспособлено для свободной жизни и любви“ *).

Эта убѣдительная рѣчь подѣйствовала на эмбриолога. Онъ чувствовалъ, что изъ глубины души поднимается протестъ во имя чести и долга. Но развѣ можетъ думать о чести тотъ, кто самымъ наглýmъ образомъ нарушилъ ея требованія? Развѣ его экспедиція все равно не была безчестной авантюрой? Развѣ побѣдка въ Китай чѣмъ-нибудь отличается отъ побѣдки въ Цейлонъ? Развѣ та и другая не будутъ одинаково нарушеніемъ долга? Въ томъ - то и горь современнаго человѣка, что онъ весь опутанъ ложью, и какую ни предложи ему подлость, всегда окажется, что въ сущности, и онъ и всѣ окружающіе давно уже совершаютъ ее и только не говорятъ о ней по молчаливому соглашенію между собою. И люди, не умѣющіе утѣшать себя казуистическими доводами и снисходительными уступками, либо объявляютъ рѣшительную войну обществу, либо не останавливаются уже въ своемъ паденіи и отдѣются совершенно во власть порока, не видя разницы между ложью и полулжью. Мирбо—живописецъ этихъ людей съ ихъ своеобразною правдивостью и циничной откровенностью. Клара — одна изъ самыхъ яркихъ фигуръ этой категоріи. Ея рѣчь — остроумное оправданіе порока, блестящій панегирикъ циничному эгоизму, и конечно, не ея спутникъ съ своей дряблой натурой могъ раскрыть ложь, тающуюся въ той положительной картинѣ, которую она нарисовала такими соблазнительными красками. Въ жестокой критикѣ, которой она подвергаетъ европейскую цивилизацію, много справедливаго. Но Клара знаетъ, повидимому, не всѣ слои, изъ которыхъ состоитъ современное общество. Она имѣетъ въ виду только жизнь тѣхъ классовъ, которые, подобно ей, обладаютъ огромными средствами и изощряются въ изобрѣтеніи неизвѣданныхъ наслажденій. Она протестуетъ не противъ того, что радости жизни являются удѣломъ немногихъ, а противъ того, что эти немногіе счастливыцы поставлены въ условія, которыя лишаютъ ихъ возможности извлечь квинтъ-

*) „Le Jardin des supplices“, p. 112 - 114.

эссенцію счастья изъ своего привилегированнаго положенія. „Вы утратили вкусъ къ жизни, ощущеніе своей личности,—говоритъ она европейскому обществу,—потому что каждую минуту что-нибудь гнететъ и останавливаетъ свободную игру вашихъ силъ“. Такимъ образомъ цѣль жизни—счастье, проявленіе личности, свободное отъ критики, отъ регулирующаго вліянія разума и долга, проявленіе личности одинаково во всѣхъ ея свойствахъ, какъ прекрасныхъ, такъ и отвратительныхъ. Эта эгоцентрическая философія не нова. Но раньше она будила энергію и активную силу въ своихъ послѣдователяхъ, она заставляла ихъ отвоєвывать свое счастье, бороться и быть на чеку. Теперь она ведетъ къ вырожденію и преситуціи, такъ какъ подъ ея крыльями укрылись люди, для которыхъ счастье завоевано другими и которымъ остается только наслаждаться. Эгоизмъ воинствующей буржуазіи, завоевавшей свои капиталы, далъ по крайней мѣрѣ могучій толчекъ колоссальному росту индустріи, разбудилъ въ челоѣчествѣ инстинкты соперничества, стремленіе къ матеріальнымъ благамъ, всколыхнулъ всѣ классы отъ высшихъ до низшихъ, вызвалъ грозное движеніе пролетаріата. Потомкамъ Кардопие и Бендерби, этихъ миллионеровъ съ желѣзной волей, миллионы достались въ готовомъ видѣ; они сохранили эгоистическіе инстинкты предковъ, но утратили ихъ энергію, какъ французскіе дворяне XVIII в. удержали старыя рыцарскія преданія о шпагѣ и чести, но утратили необходимость прибѣгать къ шпагѣ среди мирныхъ удовольствій версальскаго двора. Отецъ Клары былъ торговцемъ, Клара стала декаденткой и отдалась во власть наслажденій. Эта смѣна—характерное явленіе нашего времени. Коммерсанты и заводчики оставляютъ свои богатства эпикурейцамъ и жуирамъ, и челоѣчество мало выигрываетъ отъ этого. Жизнь, которую Клара въ качествѣ идеала противопоставляетъ ложной цивилизаціи, это—безпрерывная оргія обезумѣвшихъ отъ разврата людей. Тайны любви, о которыхъ говорила Клара, заключались въ дикомъ наслажденіи. Она ходила въ Китай любоваться муками преступниковъ. Китай—классическій край пытокъ, тамъ палачи—виртуозы, тамъ даются преміи и ученые степени за изобрѣтательность въ искусствѣ казней. И потъ въ Небесной имперіи Клара открыла садъ, гдѣ среди дивной зелени и роскошныхъ цвѣтовъ востока корчятся въ ужасныхъ судорогахъ челоѣческія тѣла, раздаются нечелоѣческіе стоны. Трудно пересказать своими словами тѣ ужасы, которые нагромоздила въ этомъ саду фантазія романиста. Геніальнымъ изобрѣтеніемъ для пытокъ, самое утонченное издѣвательство надъ челоѣческой природой, умѣнье извлекать изъ челоѣческаго тѣла таинистую мукъ, которая оно способно вынести,—это искусство нашло себѣ приѣмленіе въ такой обстановкѣ, которая кажется волшебнымъ раемъ. Природа разбросала въ этомъ роскошномъ саду самыя прекрасныя свои дары, челоѣкъ принесъ сюда самыя отвратительныя свои созданія. Въ изображеніи этого фантастическаго союза красоты и ужаса

поэтическая сила Мирбо достигает своего апогея, это картины, рассчитанные на то, чтобы кровь застыла в жилах и волосы вставали дыбомъ. И въ этомъ уголкѣ міра Клара нашла тотъ идеалъ, котораго не давала ей ложная цивилизація. Видъ человѣческихъ мученій пробуждалъ въ ней жизненную силу, зажигалъ пламень страсти. Созерцаніе картины страшныхъ поруганій, которымъ подвергались люди, заставляло ее бросаться въ объятія своего возлюбленнаго и цѣловать его съ удвоенной страстью.

Таковъ выходъ, который нашла эта умная женщина, такъ ясно и глубоко видѣвшая ложныя стороны современной цивилизаціи. Она не просто бросалась въ омутъ разврата, она захотѣла возвести его въ догматъ, создать для него особую философію, доказать превосходство извращенныхъ чувствъ надъ естественными. „Я видѣла,—говоритъ она,—какъ вѣшали воровъ въ Англіи, какъ убивали анархистовъ въ Испаніи, какъ въ Россіи солдаты застрѣли до смерти прекрасныхъ молодыхъ дѣвушекъ (?). Я видѣла въ Италіи живые призраки, голодные приниженія, въ Индіи голыхъ людей, умирающихъ отъ чумы, въ Берлинѣ я видѣла, какъ левъ растерзалъ въ клѣткѣ юную красавицу. Словомъ, я видѣла всѣ ужасы, всѣ муки человечества, но я ничего не видѣла прекраснѣе китайскихъ казней“ *).

Къ странному выводу привелъ Клару ея пессимистическій взглядъ на современное общество. Можно при извѣстномъ уровнѣ нравственныхъ требованій относится сурово къ современной цивилизаціи. Но, выхвативъ самыя темныя стороны этой цивилизаціи, возвести ихъ въ перлъ созданія, провозгласить ихъ идеаломъ могла только эта дѣвушка, которая чувствовала, что эта цивилизація ставитъ извѣстныя преграды ея порочнымъ инстинктамъ. Мы далеки отъ мысли отождествлять автора съ его героями. Но едва ли можно заподозрить Мирбо въ томъ, что онъ подчеркиваетъ свое несочувствіе ихъ воззрѣніямъ. Порокъ обрисованъ слишкомъ яркими красками. Романистъ напрягъ всю силу своего оригинальнаго дарованія, чтобы окружить его какимъ-то особымъ обаяніемъ. Его герои не жалкіе подонки общества; это—умнѣйшіе и даровитѣйшіе его представители, ихъ критика блещетъ остроуміемъ и оригинальностью. Словомъ, Мирбо воплотилъ порокъ въ такія фигуры, что онъ кажется чѣмъ-то красивымъ и могучимъ, а полупорочное европейское общество, чѣмъ-то жалкимъ и дряблымъ передъ нимъ. Это общество остановилось на полпути, оно не дерзнуло довести до крайнихъ выводовъ требованія своей природы, а такія женщины, какъ Клара, нашли въ себѣ достаточно отвagi для подобнаго шага. Это то же своего рода борцы противъ современнаго общества. Они борются противъ полулжи, во имя и посредствомъ

*) „Le Jardin des supplices“ p. 136—137.